

# Глобальный обзор осуществления государствами-членами резолюции 1373 (2001) Совета Безопасности и других соответствующих резолюций

## Резюме

За период с 2016 года характер глобальной террористической угрозы продолжал меняться, в связи с чем государства-члены были вынуждены адаптировать свою политику и подходы для преодоления новых вызовов и устранения существующих пробелов в их системе мер по борьбе с терроризмом. Эти вызовы включают эволюцию угрозы, представляемой иностранными боевиками-террористами (ИБТ); растущую угрозу терроризма в зонах конфликтов; появление новых террористических методологий; растущую угрозу **террористических нападений на почве ксенофобии, расизма и других форм нетерпимости**<sup>1</sup> вместе с растущей распространенностью транснациональных связей между такими группами и — совсем недавно — последствия пандемии COVID-19.

## Прогноз глобальных угроз

Хотя многие из вышеуказанных вызовов носят глобальный характер, проблема терроризма по-прежнему по-разному проявляется в различных государствах, регионах и субрегионах.

Регион **Северной Африки** продолжает сталкиваться с угрозами со стороны террористических групп, связанных с организацией «Аль-Каида» в странах исламского Магриба (АКИМ) и организацией «Исламское государство Ирака и Леванта» (ИГИЛ, также известной как ДАИШ), и ИБТ, приехавших в Ирак или Сирийскую Арабскую Республику. Незамеченное возвращение ИБТ в страны их происхождения после вытеснения ИГИЛ с захваченных ею территорий создает дополнительные проблемы в сфере безопасности. Кроме того, в последние годы в некоторых государствах Северной Африки ряд смертоносных нападений был совершен одиночными субъектами и малыми ячейками, выявление которых представляет трудность.

В **Восточной Африке** наиболее активной террористической группой остается «Аш-Шабааб» (в 2012 году формально присоединившаяся к «Аль-Каиде»), которая совершает нападения в основном в Сомали, а также в соседних государствах. Она по-прежнему обладает высокой адаптивностью, и в 2021 году увеличилось количество проведенных ею неприцельных обстрелов самолетов и аэродромов. За период с 2016 года «Аш-Шабааб» также совершила ряд масштабных, сложных и смертоносных нападений за пределами Сомали, в том числе в Кении. Деятельность по вербовке и радикализация продолжают вызывать озабоченность.

За период с 2016 года **на юге Африки** наблюдается резкий рост террористической активности, особенно на севере Мозамбика и вдоль границы Мозамбика с Танзанией. Начиная с июня 2019 года связанные с ИГИЛ элементы, действующие под знаменем «Центральноафриканская провинция “Исламского государства”» (ЦАПИГ), начали брать на себя ответственность за жестокие нападения в этом районе.

---

<sup>1</sup> Хотя Совет Безопасности не установил согласованной на международном уровне терминологии применительно к этой угрозе, Контртеррористический комитет в своих предыдущих документах отмечал, что многие государства-члены, в отношении которых КТК недавно проводил оценку, использовали целый ряд различных терминов для обозначения террористических актов, совершенных такими лицами и группами.

В **Западной Африке** уровень террористической угрозы чрезвычайно высок. Резкий рост террористической активности в субрегионе обусловлен в первую очередь деятельностью двух групп: Группы по поддержке ислама и мусульман и «Исламского государства в Большой Сахаре». Хотя территориальное присутствие и деятельность «Аль-Каиды» и ее филиалов (в частности, организации «Аль-Каида» в странах исламского Магриба (АКИМ)) первоначально ограничивались крайним севером Мали, сейчас они распространились на значительные территории Буркина-Фасо, Мали и Нигера. Растущая мощь ИГИЛ в Западной Африке усугубила террористическую угрозу и способствовала ухудшению ситуации с безопасностью в субрегионе.

Государства **Центральной Африки** сталкиваются с многочисленными террористическими угрозами. Террористическая деятельность группы «Боко харам» распространилась из первоначальной зоны действия на северо-востоке Нигерии на весь регион бассейна озера Чад, затронув Крайнесеверную провинцию в Камеруне и провинцию озера Чад в Чаде. «Боко харам» раскололась на две основные группы (одна из которых — «Западноафриканская провинция “Исламского государства”» — напрямую связана с ИГИЛ) и третью группу под руководством Ба Куры. В совокупности они остаются основными угрозами для государств бассейна озера Чад.

Насилие, совершаемое другими вооруженными группами, в том числе в Чаде, Демократической Республике Конго и Центральноафриканской Республике, продолжает представлять угрозу для общей стабильности в этом субрегионе.

В регион **Юго-Восточной Азии** проникли ИБТ, исповедующие идеологию ИГИЛ, а местные террористические группы продолжают вдохновляться идеями ИГИЛ и присягать на верность этой группе. Этот субрегион остается регионом происхождения, транзита и назначения боевиков ИГИЛ, а также боевиков, связанных, в частности, с группой «Абу Сайяф» (ГАС), «Аль-Каидой» и группой «Джемаа Исламия».

В **Южной Азии** общий уровень угрозы остается высоким, причем со времени проведения предыдущего глобального обзора несколько государств пострадали от террористических нападений. В субрегионе действует множество террористических групп, связанных с «Аль-Каидой» и ИГИЛ (в том числе движение «Талибан», «Аль-Каида на Индийском субконтиненте» (АКИС) и группа «Исламское государство Ирака и Леванта — Хорасан» (ИГИЛ-Х), а также аффилированные с ними группы, такие как «Сеть Хаккани», «Лашкар-и-Тайба», «Джаиш-э-Мохаммед» и группа «Харакат-уль-муждахидин»). Большая часть террористической деятельности в субрегионе, как представляется, вдохновлена идеями ИГИЛ, если не руководится ИГИЛ непосредственно (хотя ИГИЛ взяла на себя ответственность за некоторые нападения, несмотря на отсутствие доказательств, подтверждающих эти заявления). Недавние события в Афганистане, включая взрывы, совершенные террористами-смертниками в международном аэропорту Кабула, вызывают озабоченность в связи с террористической угрозой в стране и в регионе.

**Центральная Азия** продолжает сталкиваться с серьезными вызовами в области безопасности, в том числе из-за близости к регионам, отмеченным такими проблемами, как террористическая активность, незаконный оборот наркотиков и оружия, уязвимость для террористической пропаганды и вербовки, а также из-за рисков, связанных с зависимостью от альтернативных способов денежных переводов. Хотя в последние годы в Центральной Азии было зафиксировано относительно небольшое количество террористических актов или инцидентов, связанных с терроризмом, возросло число террористических нападений,

совершенных выходцами из Центральной Азии за пределами региона. Возвращение и перемещение ИБТ также является источником проблем.

Десять из 12 государств-членов из региона **Западной Азии** пострадали от террористических нападений. Нестабильность политической ситуации и ситуации в области безопасности в некоторых государствах по-прежнему требует бдительности. ИГИЛ остается активной террористической угрозой в пределах границ некоторых государств этого субрегиона, в том числе государств, для которых характерна нестабильность политической ситуации и ситуации в области безопасности. Идеологи ИГИЛ считают, что большинству этих государств следует придерживаться более строгой трактовки религиозных учений. Близость вооруженного конфликта в Сирийской Арабской Республике и деятельность различных террористических организаций продолжают значительно усугублять террористический риск в Западной Азии, отчасти из-за продолжающегося перемещения людей из Ирака и Сирийской Арабской Республики, что вызывает постоянные трансграничные проблемы в области безопасности и значительную политическую и экономическую напряженность для государств, расположенных в этом субрегионе.

Хотя ранее считалось, что субрегион **Восточной Азии** практически не затронут конфликтами в Ираке и Сирийской Арабской Республике, полученные данные свидетельствуют о том, что ИГИЛ и связанные с нею группы вербовали лиц из этого субрегиона в качестве ИБТ.

Риск терроризма для государств **тихоокеанских островов** является низким в силу их изолированного географического положения, транспортных ограничений, небольшой площади их территории и численности населения (факторы, ограничивающие возможности анонимности), а также относительно небольшого финансового и коммерческого секторов. Ни в одном государстве этого субрегиона не было зарегистрировано террористических актов.

Субрегион **Центральной Америки** сталкивается с проблемами насилия и коррупции, связанными с деятельностью организованных преступных группировок и наркоторговлей. Несмотря на то, что террористическая угроза остается низкой, государства субрегиона продолжают наращивать свои усилия по борьбе с терроризмом, в первую очередь в рамках Межамериканского комитета по борьбе с терроризмом Организации американских государств (ОАГ/СИКТЕ). Последние данные свидетельствуют о том, что преступные организации могут перенимать тактику, **схожую с тактикой** террористических организаций, и что в субрегионе появились новые тенденции и ячейки, исповедующие идеологию насильственного экстремизма, порождающего терроризм.

В государствах **Карибского бассейна** терроризм остается угрозой, для которой характерна низкая вероятность, но высокая степень воздействия. Правительства стран субрегиона отдают себе отчет в эволюционирующей и децентрализованной угрозе, исходящей от международных террористических групп, включая ИГИЛ и «Аль-Каиду». Риск вербовки в ряды террористов и радикализации в духе насильственного экстремизма, порождающего терроризм, объем и доступность террористической пропаганды, а также возможность использования банковских систем и неформальной экономики многих государств для финансирования террористических сетей остаются источниками беспокойства. Более того, в силу своей географии этот субрегион уязвим для преступной деятельности на море, включая контрабанду наркотиков и стрелкового оружия и легких вооружений, незаконный провоз людей и химических, биологических, радиологических или ядерных материалов.

Все государства **Южной Америки** признали угрозу, исходящую от терроризма — несмотря на общее мнение о том, что уровень террористической

угрозы в субрегионе является невысоким, — и постепенно вводят меры по предотвращению террористических актов и перемещения террористов через границы. Тем не менее субрегион остается уязвимым для угроз, связанных с финансированием терроризма, транснациональной организованной преступностью, незаконным трансграничным перемещением денежных средств, оружия и людей, и других угроз, потенциально связанных с терроризмом. Известно, что небольшое количество граждан Южной Америки отправились в зоны конфликта в Ираке и Сирийской Арабской Республике для поддержки ИГИЛ.

В большинстве государств **Восточной Европы** уровень риска сравнительно низкий, но были зарегистрированы некоторые менее масштабные террористические нападения или сговоры с целью совершения террористических актов. В последние годы уровень угрозы в Российской Федерации снизился. Риск террористических актов **на почве ксенофобии, расизма и других форм нетерпимости** представляет собой растущую угрозу во всем субрегионе. Для государств этого субрегиона, расположенных по обе стороны восточной границы Шенгенской зоны, существует риск быть использованными в качестве государств транзита для незаконного перемещения людей, оружия и наличных средств. В 2020 году главы государств — участников СНГ приняли Программу сотрудничества государств — участников СНГ в укреплении пограничной безопасности на внешних границах на 2021–2025 годы.

Государства группы стран **Западной Европы, Северной Америки и других государств** в течение последних пяти лет продолжают сталкиваться со стабильно большим количеством террористических нападений. **Австралия, Канада, Новая Зеландия и Соединенные Штаты** также столкнулись с террористической активностью со времени проведения предыдущего глобального обзора. Однако уровень риска распределен неравномерно. В некоторых государствах (например, в Австралии, Германии, Соединенном Королевстве и Франции) был зарегистрирован непропорционально высокий уровень инцидентов. В то же время менее масштабные или менее частые нападения продолжали происходить по всей Западной и Центральной Европе, в том числе в Австрии, Бельгии, Нидерландах, Норвегии, Финляндии и Швеции.

Все государства этой группы сталкиваются с различными, но все возрастающими вызовами, обусловленными террористическими **актами на почве ксенофобии, расизма и других форм нетерпимости**. Эта угроза приобретает все более организованный и транснациональный характер. Наблюдается тенденция к росту распространенности террористических актов, совершаемых «одиночками». Также существует низкий остаточный риск террористических актов на почве исторически сложившихся межконфессиональных разногласий. Однако эти конфликты (хотя и не полностью урегулированные), как правило, решаются политическими средствами.

За пять лет, прошедших после проведения предыдущего глобального обзора, в **Юго-Восточной Европе** практически не было террористических актов, и риск терроризма является низким по сравнению с другими европейскими субрегионами. Сохраняется основной риск, связанный с привлекательностью этого субрегиона для тех, кто пытается добраться из стран Европейского союза в зоны конфликтов. Другие сохраняющиеся риски в этом субрегионе включают относительно высокий уровень организованной преступности и незаконного оборота оружия и их потенциальную связь с терроризмом.

## **Меры реагирования, принятые Советом Безопасности и государствами-членами**

В ответ на быстро эволюционирующую террористическую угрозу Совет Безопасности принял ряд резолюций по этой теме — в частности, резолюции 2395 (2017) и 2396 (2017), — в которых определен ряд необходимых мер реагирования и связанных с этим вызовов.

Необходимость разработки **всеобъемлющих и комплексных национальных стратегий** для обеспечения эффективного и комплексного подхода к борьбе с терроризмом является одним из ключевых вопросов, рассматриваемых Исполнительным директором Контртеррористического комитета (ИДКТК) в рамках его диалога с государствами-членами от имени Контртеррористического комитета. Со времени проведения предыдущего обзора ИДКТК выявил увеличение числа государств-членов, предпринимающих шаги по разработке более широкого подхода к борьбе с терроризмом, в том числе путем привлечения более широкого круга заинтересованных сторон, помимо правоохранительных органов.

В соответствии с резолюциями Совета 2178 (2014), 2322 (2016), 2396 (2017) и 2462 (2019) государства-члены ускорили пересмотр существующей **законодательной и административной базы** и при необходимости приняли новые нормативные положения с целью включить требования соответствующих резолюций Совета во внутреннее законодательство. Однако несмотря на эти успехи степень кодификации соответствующих правонарушений различна и по-прежнему требует тщательного контроля.

В ходе оценки и отслеживая изменений в законодательстве государств-членов Комитет и ИДКТК часто выявляли недостатки, связанные с внутренними определениями терроризма и преступлений, связанных с терроризмом. Комитет рекомендовал государствам принять четкое и ясное определение терроризма, соответствующее требованиям международных документов по борьбе с терроризмом, участниками которых они являются, и соответствующим резолюциям Совета Безопасности, а также согласующееся с другими соответствующими международно-правовыми обязательствами, нормами и стандартами, включая международное право прав человека, когда это применимо. Комитет также отметил, что недостаточно проработанные определения могут подорвать международное сотрудничество в борьбе с терроризмом.

В ряде резолюций Совета, включая резолюции 1373 (2001), 2178 (2014) и 2396 (2017), подчеркивается необходимость обеспечения государствами-членами эффективных мер **уголовного правосудия** в целях борьбы с терроризмом. Поскольку для осуществления эффективного уголовного преследования по делам, связанным с терроризмом, требуются особые навыки и опыт, следственные, прокурорские и судебные органы государств должны находить пути, позволяющие им успешно справляться с растущей сложностью таких дел. Большинство государств, которые посетил Комитет, продолжают испытывать трудности с выполнением этих требований, в том числе в отношении использования ими разведывательной информации в контексте уголовного правосудия и международного сотрудничества в вопросах уголовного правосудия (взаимная правовая помощь, экстрадиция и международное сотрудничество в сборе и использовании цифровых доказательств по делам о терроризме).

В целях реагирования на риски, исходящие от иностранных боевиков-террористов, в резолюциях 2178 (2014) и 2396 (2017) Совета Безопасности устанавливаются требования к государствам по разработке и реализации комплексных и адаптированных стратегий **судебного преследования, реабилитации и реинтеграции**. Многие государства, затронутые проблемой терроризма (включая ИБТ), еще не разработали и/или не реализовали комплексные стратегии

судебного преследования, реабилитации и интеграции. В некоторых случаях соответствующие меры осуществляются на разовой основе, что может привести к выделению недостаточного количества структурных, финансовых и людских ресурсов. Принятие специальных мер в отсутствие общей стратегии создает риск того, что государства будут принимать и осуществлять неэффективные меры на национальном уровне. Проведенный ИДКТК анализ выявил повсеместную необходимость усиления координации в этих вопросах между субъектами уголовного правосудия и другими соответствующими заинтересованными сторонами.

При разработке законов, политики и мер, связанных с судебным преследованием, реабилитацией и реинтеграцией, лишь немногие государства проводили содержательные общественные консультации, в которых участвовали все соответствующие заинтересованные стороны, в частности общины, наиболее затронутые проблемой терроризма. Инклюзивное и основанное на широком участии законотворчество и формирование политики по вопросам судебного преследования, реабилитации и реинтеграции, которые часто носят деликатный характер, будет способствовать легитимности и, следовательно, эффективности принимаемых мер.

Государства-члены также сталкиваются со значительными трудностями в процессе разработки и реализации мер, направленных на **предотвращение терроризма и противодействие ему в контексте вооруженного конфликта**. Вооруженные конфликты (особенно затяжного характера) и вызванные ими насилие, нестабильность и разрушение институтов правового государства являются движущей силой насильственного экстремизма, который может порождать терроризм. Такие условия могут сделать людей и сообщества уязвимыми для вербовки, в том числе за счет эксплуатации глубоко укоренившихся обид, вызванных конфликтом, а также за счет использования пробелов в системах государственного управления и подотчетности, которые часто возникают в контексте конфликта. Более того, связанные с конфликтом институциональные, социальные и экономические факторы уязвимости также могут существенно подорвать усилия по борьбе с терроризмом и привести к снижению устойчивости таких усилий в долгосрочной перспективе.

Совет Безопасности регулярно подчеркивал, что усилия государств-членов по предотвращению терроризма и насильственного экстремизма и борьбе с ними должны соответствовать их обязательствам по международному праву, включая **международное гуманитарное право**. Совет также подчеркивал, что контртеррористические стратегии должны быть направлены на обеспечение устойчивого мира и безопасности и что соблюдение международного права является необходимым условием успеха контртеррористических усилий. Соответствующие обязательства особенно актуальны в контексте борьбы с явлением ИБТ.

Терроризм и насильственный экстремизм могут быть существенными элементами гуманитарных кризисов, включая сложные чрезвычайные ситуации, возникающие в результате сочетания природных и антропогенных элементов, таких как серьезные климатические бедствия и вооруженные конфликты. Чрезвычайные ситуации такого характера требуют быстрого и эффективного гуманитарного реагирования, осуществляемого на нейтральной, независимой и беспристрастной основе. Терроризм также подвергает опасности гуманитарные организации и может подорвать гуманитарную деятельность. ИГИЛ и другие террористические группировки объявили работников гуманитарных организаций «законными целями» и призвали своих последователей «бороться» с гуманитарными организациями.

В своих усилиях по обеспечению гарантий уголовной ответственности ИБТ государственные системы уголовного правосудия вынуждены проводить расследование, преследование и выносить судебные решения по фактам деяний, совершенных за тысячи километров от них, часто в зонах конфликтов, где разрушены институты верховенства права и действуют негосударственные вооруженные субъекты. Эффективное судебное преследование по фактам деяний, совершенных в зонах конфликта, требует использования — в соответствии с международно признанными стандартами справедливого судебного разбирательства — нетрадиционных видов информации и доказательств, включая электронные доказательства, оперативную информацию, полученную из открытых источников и социальных сетей, а также информацию, собранную или полученную в зонах конфликта, в том числе военными субъектами. Это представляет собой серьезную проблему для многих государств, которая, если ее не решать, может привести к безнаказанности и отказу в правосудии для жертв терроризма и общества в целом.

**Террористы и террористические группы продолжают привлекать финансовые средства**, в частности, за счет нелегитимного использования законных предприятий и некоммерческих организаций, эксплуатации природных ресурсов, пожертвований, краудфандинга и доходов от преступной деятельности, включая похищение людей с целью выкупа, вымогательство, незаконную торговлю и незаконный оборот культурных ценностей, торговлю людьми, наркоторговлю и незаконную торговлю стрелковым оружием и легкими вооружениями. Эти средства перемещаются не только с помощью «традиционных» способов, например официальных банковских систем, финансовых учреждений, предприятий, предоставляющих расчетно-кассовые услуги, или неформальных финансовых сетей и курьеров, перевозящих наличные деньги, но и с помощью новых методов оплаты, таких как предоплаченные карты, мобильные кошельки и активы в виртуальной форме.

Государства-члены все чаще вносят поправки в свое законодательство о противодействии финансированию терроризма (ПФТ), чтобы учесть требования соответствующих резолюций Совета, рекомендации Контртеррористического комитета по итогам посещений стран, а также взаимные оценки и последующие процессы Группы разработки финансовых мер по борьбе с отмыванием денег (ФАТФ) и региональных органов по типу ФАТФ (РОТФ). Однако многие из недавно принятых или модифицированных законов и механизмов, связанных с противодействием финансированию терроризма, не применяются последовательно или в полном объеме. Многие государства по-прежнему нуждаются в технической помощи, обучении и соответствующих технических средствах в этой области, и им следует создать платформы для обмена примерами эффективной практики и полезным опытом.

По мере того, как государства продолжают укреплять свое законодательство и оперативные меры в области противодействия финансированию терроризма, ведутся активные споры о том, в какой степени эти меры **могут повлиять на деятельность, носящую исключительно гуманитарный характер**, в том числе в зонах конфликтов, где имеет место террористическая активность. Пандемия COVID-19 также привела к появлению дополнительных опасений относительно потенциального влияния мер ПФТ на реагирование в чрезвычайных ситуациях.

Эффективность выполнения государствами-членами резолюции [1373 \(2001\)](#) значительно повысилась благодаря созданию ими специальных контртеррористических подразделений **правоохранительных органов** и подготовке специальных сотрудников по борьбе с терроризмом для расследования террористических актов. Значительное число государств также развили этот потенциал путем

использования компьютеризированных инструментов, создания списков подозреваемых и баз данных, проведения перекрестных проверок уголовных досье и расширения систем обмена информацией.

Государства-члены добились определенных успехов в укреплении сотрудничества и координации по вопросам борьбы с терроризмом в рамках правоохранительной деятельности и деятельности по обеспечению безопасности при поддержке со стороны межведомственных функций по обмену информацией или координационных ячеек. Государства-члены также приняли свои национальные планы действий правоохранительных органов по предотвращению терроризма и борьбе с ним и укрепили международное сотрудничество, в том числе путем расширения доступа к глобальной полицейской системе связи I-24/7 Международной организации уголовной полиции (Интерпол).

**Эффективный контроль морских, сухопутных и воздушных границ** имеет существенно важное значение для противодействия терроризму, поскольку граница является передовой линией обороны в целях пресечения трансграничного перемещения террористов и незаконных товаров и грузов. Однако значительная протяженность границ многих государств, нередко сложный рельеф местности, через которую они проходят, растущее число неофициальных пунктов пересечения границы (ППГ) и практика разбивки маршрута на несколько отдельных отрезков создают значительные вызовы для государств-членов в этом отношении.

Государства-члены также продолжают противостоять угрозе, которую представляет собой **использование террористами Интернета и других информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), включая социальные сети**, для совершения террористических актов и ведения различных видов террористической деятельности, включая подстрекательство к насилию, радикализацию, вербовку, обучение, планирование, сбор информации, коммуникацию, подготовку и финансирование. Террористы и террористические группы, **мотивированные ксенофобией, расизмом и другими формами нетерпимости**, используют технологические достижения для адаптации своих оперативных методов, будь то повышение эффективности традиционных методов распространения пропаганды и насильственной риторики, поиск источников для приобретения оружия и другой поддержки или разработка новых методов террористической деятельности.

**Использование в террористических целях технологий** — включая искусственный интеллект, модерацию контента и цифровые/электронные доказательства — является вопросом, вызывающим растущую озабоченность специалистов-практиков, политиков и исследователей в контексте все более широкого использования технологий для ведения террористической деятельности и для борьбы с такой деятельностью.

Совет Безопасности вновь заявляет, что государства-члены должны обеспечивать, чтобы любые меры, принимаемые в целях борьбы с терроризмом, согласовывались со всеми их обязательствами по международному праву, в частности международному праву **прав человека**, международному беженскому праву и международному гуманитарному праву. Поэтому Комитет регулярно рассматривает актуальные вопросы прав человека в своих оценках хода осуществления государствами резолюции **1373 (2001)**. Это важно не только в контексте юридических обязательств государств, но также и потому, что уважение прав человека, основных свобод и принципа верховенства права дополняет и взаимно усиливает эффективные меры по борьбе с терроризмом, а также является неотъемлемой частью успешной реализации контртеррористической стратегии. Результаты исследовательско-аналитической работы Исполнительного



директората показывают, что некоторые государства приняли меры по повышению согласованности между их законами и политикой в области борьбы с терроризмом и их применимыми международно-правовыми обязательствами. Однако, согласно общей оценке ИДКТК, большинство государств на настоящий момент приложили недостаточно усилий в этой важнейшей области.

Совет Безопасности признает, что терроризм и насильственный экстремизм имеют особые последствия для прав человека женщин и девочек и что контртеррористические стратегии, в свою очередь, могут оказывать дифференцированное воздействие на женщин, в том числе на женские правозащитные организации и женские организации гражданского общества. После принятия резолюции 2242 (2015) Совета Безопасности все большее число резолюций Совета по проблеме терроризма включают **гендерные соображения**, в том числе по таким вопросам, как судебное преследование, реабилитация и реинтеграция; противодействие распространению террористических идей; и связи между терроризмом, торговлей людьми и сексуальным насилием в условиях конфликта.